

Посольство Федота Елчина в Грузию

Лета 7147-го мая в 29 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу указал государь быти на своей государеве службе в Дидьянской земли Федоту Ялчину да с ним попу Павлу да подьячему Федьке Баженову.

У руки царьской были мая в 29 день. Отпущены с Москвы июня в 2 день.

На Коломну приехали июня в 6 день. Отпущены того ж числа.

В Переслав Резанской приехали июня в 8 день. Отпущена из Переславля июня в 10 день.

В Касимов приехали июня в 13 день. Отпущены июня ж в 14 день.

В Муром приехали июня в 16 день. Отпущены того ж числа.

В Нижней приехали июня в 18 день. Отпущены из Нижнева июня в 21 день, держали за провожаты стрельцами.

В Кузмодемьянской приехали июня в 22 день. Отпущены того ж числа.

В Казань приехали июня в 24 день. Отпущены из Казани июля в 3 день.

В Тетюши приехали июля в 6 день. А Тетюшах дожидались кизылбаских купчин июля по 10 день.

На Самару приехали июля в 16 день. Отпущены с Самары июля в 18 день.

На Саратов приехали июля в 23 день. Отпущены с Саратова июля в 24 день.

На Царицын приехали июля в 28 день. Отпущены с Царицына июля в 30 день.

На Черной Яр приехали августа в 2 день. Отпущены августа в 3 день.

В Астрахань приехали августа в 7 день. Отпустили августа в 19 день.

На Терек приехали августа в 29 день. Отпущены с Терека сентября в 22 день.

В Алегукину Кабарду приехали октября в 2 день. А в роздачу дано: Хапуке-мурзе четыре аршина сукна краснова аглинскова, да зерколо немецкое с потальею большое; да Отажук-мурзе дано четыре аршина сукна краснова аглинскова, да зерколо большое немецкое с потальею; да Алегукиной жене дано зерколо большое немецкое с потальею; да провожатым, Хапукину узденю Пшуке, дано два аршина сукна краснова аглинскова, которые провожали да Карочаев ис Кобарды.

А в Корочаеву Кабарду пришли октября в 13 день. Да карачаевским князьям двум братом дано, Елбуздуку да Елистану, четыре аршина сукна краснова аглинскова да восемь киндяков.

Да Олегука прислал из Обазы октября в 22 день узденя своего Уранбу, а велел у меня, у Федота, взять четыре аршина сукна краснова аглинскова.

А пошли ис Корочеев октября в 28 день. А пошли, покинули седла в Корочях, а после нас Хопука, мурьза черкаской, взял к себе лошади.

А пришли в Сонскую землю в деревню Влешкараш ноября в 1 день. И пошли из Влешкараша ноября в 2 день.

А пришли в Ескеру таго же числа.

Да оне ш несли вьюк ис Корачаи, а изо вьюка вынесли сукна лазоревава десять аршин, да два зеркола большие немецкие с потальею, да двенацать ножей да кумач; да им жо дано за пронос два аршина сукна.

А и[с] Соней пошли ноября в 9 день. А в Дидьянскою землю пришли ноября 13 день, в деревню в Худоню. Да сонским провожатым дано, которые провожали да Дидьянския земли, четыре аршина сукна настрафилю краснова да восемь ножей немецких да четыре зеркала. А провожал уранканской князь Обоза.

Ноября 18 день пришел поп Гаврила, а сказал Федоту: «Прислал де ко мне наш царь грамоту Левонтей». И грамоту перед Федотам чол. А в грамоте к нему Гаврилу

писона от Левонтыя царя от дидьянскава жалованья и слова похвальная: «Рад де я тебе, Гаврила, что тебя бог ко мне принез ис такава дальняго государьства; и таму де обрадовался, слышучи, што с тобою есть от великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Руси самодержца, послальник; и тебе б де от меня ему сказать поклон, да спросить об здоровье — здорова ль он шол дорогою?». И Федот против ево, царева, слова поклонился ниско.

Ноября в 21 день приехал от царя Левонтыя от Дидьянскава епискуп Ондрей да с ним архиморит Артемей, звал к себе Федота и попа Павла обедать; а приходил звать поп Гаврило, кой на Москве был послом, да с ним пристав кой нас встречал на первом наслеге, а имя ему Мануило. И как мы пришли к нему, у него стоит крест серебряной и позолочон, а на кресте распятия Христа, по правую сторону Богородицын оброз, по левою сторону Иван Предотеца, а на возглавье архангил Михаил, а у подножья Иван Богослов; пот крестом округ четверугольной, напреди округа у подножья пречистые Богородицы Одегитрея, а на правой стороне великого мученика Георгия, а по левою сторону Федора Стратилата, а назади округа мученика Дмитрия Селунского; округ утвержон на посохе. И мы кресту поклонились, и у епискупа у благословленья были и у него за столом сидели. И епискуп спрашивал про государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, про ево, государьское, многолетное здоровье. И Федот говорил: «Как есми поехал от государя своего, от его царьсково величества, и милостью божью государь наш царь и великий князь Михайло Федоровичь, всеа Руси самодержець, многих государств государь и облодатель, на своих царьских великих и преславных государьствах в добром здоровье».

И опять спросил о потриархе Иасафе московском и всеа Руси. И Федотова слова: «Как я поехал по государеву указу с Москвы, и велики господин светейший Исаф, потриарх московский и всеа Руси, при государьской державе милостию божию дал бог здрав».

Ноября в 23 день приходил к нам епискуп и с архиморит с Ортемьем и поседел. Архиморит стал говорить, стал спрашивать попа Павла: «Вера де у нас одна христианская, только де нас бог языки рознил. Стали они говорить с попом Павлом архиморит: как господь

сотворил небо и землю; и по тому: отто Адама што была родов, и хто ково родил. И да тава дашло — архиморит стал говорить: «Прежде был Еноха Илья». И поп Павел стал говорить: «Енох де был да потопу, а Илья де был и по потопе много лет спустя». И потом у них стал спор, а розвести не умели, да и покинули говорить.

Того ж дни были мы у вечерни съ епискупам с Ондреям. И епискупа мы стали спрашивать, идучи от вечерни, задирать распросам оп той же речи, штобы с ним опять поговарить. И епискуп Ондрей молил: «Ведоем де мы и сами, што ваша христьянская вера тверда. А у нас де нонеча кручина». И Федот молил: «Што у вас за кручина?». И епискуп сказал: «В прошлом де во 147-м году царица де у нас преставилась июня в 1».

Декобря в 2 день приехал Гаврила поп от царя Левонтыя, а сказал Федоту: «Велел тебя царь Левонтей спросить об здравьи».

Того же числа поп Гаврила стал гаварить: «Поедем де мы в Рожественской монастырь, богу помолимся и святыни божьи посмотрим, и святых мощей увидишь».

Декобря в 3 день, а ездил епискуп Ондрей, да Федот, да поп Павел в Рожественской монастырь, и там начевали. И показывали нам после завтрени в церкви икону пречистые Богородицы Одегитрея в киоте, и тот образ ис кивота вынимали; и в киоте под образом святых многих мощи, а поимянна нам не росказывали — каторых святых мощи. Другой обрас показывали с киотом, киот задвижной, а на киоте многих святых и мучеников написана на серебре; под тем оброзом в той же киоте решотки дробные, и в тех решотках святых мощи, которые на образу печатыны, а имян тоже не росказывали. В той же киоте за иконою крест, а сказывают, тот крест таво древа, на чом Христос был распят; а в том же кресте вставлена святых мощи во шти местех, маленькие жеребейки. А иконы во храму и деисусы и месные оброзы обложены серебром и позолочены и жемчугам обложены. Стенное писание все по достоянию; а в небе написан Саваоф. А в олтарь двери одни царьские, а сиверских дверей нет. А на престоле стоит оброз да крест большой, серебром обложон и позолочон, и каменя видели многия, а окрест креста писоны святыя. А во храм идучи предел в левой руке стоит пуст, а икон в нем нет; в том же пределе лежит камень большой, а на серетке камени кольцо

железное, а пот тем камням, сказывают, пещора, а в той пещоре, сказывают, прежних царей кладьбища.

Таго же числа ездил в монастырь к Спасу Всемиловому. А в церькве оброзы и деисусы и месные оброзы все по достоянию, а окладу добре много; в месном оброзе посреди его врезан Спасав оброз; и оне вынимали, показывали нам. А зделона киот задвигной и обит серебром на обе стороны и позолочон; и киот разнимали Спасава образа, врезан крест животворящей, а сказывают, таво древа, на чом Христос был распят, а посторонь писано царя Костеньтина и матери его Елены. Да на той же цке врезаны святые мощи жеребейками, по гнездом подписаны; и нам сказывали по потписям епискуп Ондрей — которых святых: мощи Козьмы и Дамьяна, мощи Азария и Мисаила, мощи Пантелимона, мощи Данила Столпника и Кирьяка, мощи Ивана Дамаскина, мощи Варвары, христовой мученицы, мощи Анастасеи, Аньны, мощи святые мученицы Анны, мощи святые мученицы Марины, мощи святые мученицы Феклы, мощи святые мученицы Екотерины, мощи Димитрея Селунского, мощи святого мученика Харлампия, мощи Ондрея Критцькаго, мощи Федора Тирона, мощи Егоргия стростотерпца, мощи Григория Богослова, мощи святого апостала Матвея, мощи святого мученика Прокопия, мощи великого чюдотворца Антония, да ризы пречистыя Богородицы малой жеребей, да гупки малая часть, как Христа распинали и поили желчью на кресте, мощи мученика Киприяна, мощи священнамученика Власия, мощи Якава Перскаго, мощи Федора Стратилата, мощи Ивана Милостиваго, мощи Василия Кисарийскаго, мощи святого чюдотворца Николы, мощи святого Спиридона, мощи святого апостола Мотвея.

У царьских дверей на левой стороне притворец, а в притворце казали мощи, а потъписей на них нет, которых святых; у подножья оброза на правой стороне притворец, а в притворце рука крестителя господня Иванна. И мы стали спрашивать: «Откуда та рука принесена и кем?». И оне сказали нам: «Принес де ту руку потриярх Ерусалимской, а той де руке по се число сто семдесят лет, а потриярху де мы имя пропямятовали». И мы спрашивали про иных святых мощи, которые писаны. И оне сказывали: «Те де мощи принесены от Ерусалима при прежних царех; а летописи у нас оп том нет, а наизусть сказать не помним».

Да образ отца царя Левонтья Дидьянскаго Мануила моленье, оброз месной, серебром обложон и позолочон и камень втирона; на левой стороне притворец, а в притворце святые мощи, а потписей нет, которых святых. Евангилья строенья царя Левонтья Дидьянскаго писана по харатье, украшено серебром и золотом и жемчугам с обе стороны, а промеж евангилья писаны святые золотом, а креста на том евангилья нет; а другое евангилья вынасили все в золоте с одну сторону распятия Христова.

Декабря в 3 день епискуп от нас поехал и поп Гаврило с ним жо.

Таго ж дни перевели нас ис Спаскава монастыря версты с четыре в деревню Жахар.

Ноября в 7 день сказал Осип: «Гурьельская царьства под Диянским царем, а преже сего владел Гурьелской князь Симон, а за ним де была царя Левонтья сестра. Во 148 году таво князя Симона поланил царь Левонтей, и царьства под себя взял, и глаза ему выжох; и он де у нево был в зоточенье 3 год, потому де у нево он ушол и по си места безвестно. А грузинских царей царьство Тюфлис, а владеет им ныне шах, а посожон от шаха их жо грузинской царевичь, а имя ему Урустам. А ныне де Левонтей, царь дидьянской, выдал за нево сестру свою».

Декабря в 12 день прислал Левонтей царь двух псарей в денщики к Федоту.

А в новой год действуют с Васильева дни. Да к Федоту по утру рано приходили поздраствовать, а приносили пше на сарачинскаго, а на пшене лежит винаград да яйцо, да на шешлыке принасили лапатку мяса да яблоко, да у всякаго человека в руках по хворостинки плоду, всякаго плоду; а сказали: «У нас де так ведетца, с нонешнево дни починаетца новой год».

Декабря в 4 день прислал Левонтей царь азнаура, а имя ему Тавей, роду Кучилянскаго. А говорил Федоту: «Велел де вас Левонтей царь спросить об здоревье». И говорил Федоту: «Не кручинна ль де вам?». И Федот говорил: «Милостию божию, государьским жалованьям и великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича, всеа Руси самодержца, и Левонтья, царя дидьянскаго, не кручинна; одна леша на нас забота, что не дал долго царь Левонтей очей своих видеть, и мы бы исправили повеленья великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича, всеа Руси самодержца». И азнаур молил: «Што бы де вам пожаловать, не подосадывать:

ныне де у нашего царя Левонтья кручина по царице; а как будет ево время, и он вас велит перет собою поставить».

А царь Левонтей дает турецкому царю дань по осмисот аршин полотна да ясырю дает по трицети душ и по сороку; а дает для таго, чтоб при ходили карабли с торгом, а кой год не будут карабли, и у них тот год скудна солью и железом. «А не бывали к нам оне со ста чотыредесят четвертаго году; а миром говорят: потому де оне к нам не ходят каряблями, что боятца казаков; с тех де мест мы им и дани не даем».

Генваря в 31 день поехали из деревни Жахара, а приехали начавать в деревню в Бодъжи; а в Бодъжах съехали съ епискупам с Ондреем.

Февраля в 1 день приехали в деревню в Кедзи; а ис Кедзей поехали в село в Пудцкур февраля в 2 день. А в селе в Путцкуре стоит церковь деревеная во имя Сеимиона Богоприимца подле двора царева.

Февроля в 5 день выехали мы по реке по Моргуле к морю Черному на конех. Епискуп Ондрей говорил да крестовой поп Гаврила сказал: «Есть де у нас река Рьян. Приезжали де к нам казаки и стали на устье; и нашева де царьства люди выхадили и всякою торговлею с ними торговали. И услышал турецкой, да прислал шеснатцать катарг и казаков побили. И потому де турецкой царь стал на Левонтья, царя, рен держать, потому что де у вас одна вера христьянская с рускими людьми, а разаряете де вы заодно с казаками мое государство; и будет не захочешь с рускими людьми заодно, и я де тебе дам людей, и ты забей по рекам устья, чтобы им не было пристанища. И наш де царь Левонтей тово не похотел. И он де турецкой царь, на то разгневась, да прислал каторги во 145 году мая во 18 день и велел монастырь розломать и розметать. А монастырь был во имя пречистые Богородицы Одегитрея; а нашева де царя Левонтья не было дома, ходил на бошачюйскаво князя войною. Да у нашева де царя Левонтья надежа на бога да на великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Русии самодержца, на заступу; только будет к нашему царю Левонтью, и он хочет и сам противитца против турецкого царя. Да как де бы государь поволил казаком, инде бы добре была нашему царю Левонтью помочь от казаков: как де бы оне ходили на турецкие украинные города. И назат идучи, на море изнимет фуртыны или катаржнаа высылка, и оне б приста-

вали к нашему царьству, которые реки из нашева царьства пали в моря, и наш де царь Левонтей их оберегал; а на босурманские языки ходили за одно».

Февроля в 6 день были в монастыре съ епискупам с Ондреем Федот да поп Павел. В том монастыре храм каменной во имя пречистые Богородицы, Одегитрея в киоте, а на другой стороне крест распятия Христова, а в том кресте мощи, две кости ручные, што от лактя к ладони; и сказал епискуп, што те мощи святые мученицы Варвары. Да показывали обрас в киоте, а на том оброзу написана распятия Христова, у подножь креста шесть жеребейков втерто святых мощей; и мы их роспрашивали про те мощи: «Сколь давно те мощи у вас, и кем принесены и каторых святых во имя?». И оне нам сказали: «Летописи, скать, у нас нет, потаму што турецкие люди приходили, и монастырь разарили и летописи пожг[л]и, а наизусть сказать не помним». А назат поваратили таго же числа иною дарогою.

Февроля в 7 день начавали в деревне Пщехапе.

Февроля во 8 день начавали в деревне в Китоуле.

Февроля в 9 день были мы в монастыре в Мокшенском съ епискупам с Ондреем да с Максимами; показывали нам, Федоту да попу Павлу, мученика Стефана орьхидьякона руки обе целы и ножьные кости да кре[ст] таво дерева, на чом Христос был распят; да нам же показывали дробные жеребейки святых: мощи мученицы Ирины, мощи мученицы Меланьи, мощи мученицы Евгении, мощи мученика Никиты, мощи мученика Меркурья, мощи мучеников Проваторха и Аньдроника, мощи приподобнаго Лариона, мощи Власия, мощи святаго чюдотворца Николы, мощи Лазаревы, мощи Амбросимовы Медиаламскаго, мощи Луки евангелиста, мощи мученика Аверкия.

Февроля в 9 день были мы в монастыре в Егорьевском, Федот да поп Павел, а ездили с епискупом с Ондреем. Середи церкви перет царьскими дверми зделон престол, а на престоле стоит крест большой, а на кресте писаны чюдеса стратотерпца Гегоргия мучения, да оброз пречистые Богородицы Одегитрея; а другой оброз стоит стратотерпца христова Гегоргия со крестом. А кругом монастыря ограда каменная, а ворота одни, притворы железные. А чюдеса мученика Гегоргия рассказывали: «Ноября в 3 день приедет де наш царь Левонтей на ево прознесство молитца и все провославные христьяне съедутца. Волею де божью бывает тут приведен бык; и таво де быка велит царь Левонтей осве-

жавать и всем православным христьяном росдаст по малой части, каму што достанетца, да плечо пошлет Гурьельскому князю, а другое пошлет плечо Бошечуйскому князю».

Февраля в 10 день были мы в монастыре, Федот да поп Павел, а ездили съ епискупом с Ондреем. А монастырь во имя пречистыя Богородицы Одегитрея, а таво нам разводу не дали, каторой во имя Богородицы — веть, скать, одна Богородица. Да тут жа в монастыре оболосся епискуп Ондрей в ризы да с ним поп, вынасили из олтора со пристола господня в чорном бархате, а шита кругла, што голова; а на бархате вышита распятия Христова, подле распятия Христова вышита образ Богородицы, а по другую сторону Иван Предотеча, а назади главы вышит крест, а держит царь Косьтентин и мать ево Елена. «А тут де за царьскою печатью гвоздья да связи и волосы и бороды господа нашего Исуса Христа, а показать де мы не смеям бес царя, царь де вам сам покажет». А епискупа в том монастыре завут Евтихей.

Февраля в 14 день приехали к Ондрею епискупу в монастырь в Троецкой; а из монастыря поехали в 17 день, а приехали в деревню в Дежихи.

Февраля в 23 день говорил Федоту ключник дворцовой Дементей царя Левонтья: «Грехом де нашим учинилось, што у нас де царицы не стала; а поиск де был царьские милости государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Русии самодержца, по ее царицыну умышленью, говорила она царю Левонтью, што послать посла к царьской милости и проведать Московское государство и рассмотреть православная вера христьянская вера; а для де таво, што от донских казаков многа им налогу и разаряют их государство, а хатят они таво государския милости, штобы к ним казаки не ходили и шкоты бы им не чинили». Да он жо сказывал: «Нонеча де у нас царь Левонтей в великой кручине, а ходит де в чорном платье; а как де царица умерла, с тех мест царь не ест ни рыбы и мяса, ни сыра, ни еиц, ничево скорому. Да съежались де к Левонтью царю ближние люди и власти, а гаварили ему оп том, што положить печаль на радость, а платья переменить, а царицу поминать хлебом да солью, а скоромное кушать: волею де божью у мужа жена умирает, а у жены муш умирает, а потому прилогают печаль на радость; а прежде таво у отца и у деда таво оброта не бывала. И он им откозал с кручиною: «А таво де у меня нихто не ведает, што у меня

на сердца; поспели б де вы мне говарить, как и години вышли, а и тагды, скать, как бог благоволит».

У Левонтья царя отец был Монуйла, тешился за оленем да с коня упал да ушибся; а привезли де ево дамой жива. А брат де у него был меншой Юрья, и он де ево к себе призвал да привел ево ко кресту, штобы ему самому царьством не завладеть, а посадить ево сына на царьства Левонтья; а царь Левонтей остался молот, а приказал ему владеть, дакуды Левонтей царь возмужает. И он на правде устаял: как Левонтей царь возмужал, ин ево и посадил на царьства. И он, будучи царем, да отнел у дяди у роднова у Юрья жену, а понел ее себе женою; и он де с кручины так и сканчался и умер. А с ним у нее была два сына, адин Юрья, а другой Мелхей; а мы их при царе видели близа. А с царем Левонтьем у нее была два сына да две дочери; а сыновья и нонеча живы, а дочь одна умерла, а другую дочь послал Горьельскому князю на збереженья к Вортаму.

От Ондрея от епискупа поехали февраля в 17 день, а приехали таго ж числа в волость в Лежихи.

Марта в 1 день послал Левонтей царь в Кабарду к Олуге-мурзе посла своего азнаура Кучалянского роду, а имя ему Тавей, просить за сына своего за большова за Олександрю дочери.

Марта в 23 день приежжал к Федоту кизылбашенин, а имя ему Беисрякуль, и Федот ево розпрашивал: «Давно ль ты здесь?». И он сказал: «Мне де здесь пять лет, а пришол де я с кизылбаским послом. А был де я в слонавниках, и слон умер в прошлом во 146-м году. И с тех де мест меня царь Левонтей не отпустил, а держит у себя; а для де таво не отпустит: как от шаха придет грамота, так я прочитаю, а как де от царя Левонтья посылка с чем, так де я пишу». И Федот ево спрашивал: «Богдат ныне за кем утвердится, за турским ли царем или за кизылбаским шахам?». И он сказал: «За Турским. А Турской де как Богдат взял, так де посылаю х кизылбаскому шаху посла оп том: что де мы деремся? У нас отна вера босурманская. По шахову договору с турским царем Муратсалтаном, что быть козылбаским обызым по их бусурманскому закону у святых в Богдате да шаху де давать была на год по 300 вьюков сырцу шолку; на том у них и мир учинился. И после таво во 147-м году посылаю Турской царь Марат султан к шаху кизылбаскому, чтобы шах ту дань прислал; и он де ему откозал: не дам. И в нонешнем

де во 148-м году турецкой царь хотел подыматца на нево войною».

Да про царя Левонтья сказывал, что де «он голдует на обе стороны, Турскому и Казылбаскому; а от казылбаскава шаха царю Левонтью идет жалаванье по тысечи темсней жалованье на год. И деньги в ево шах Софеево имя делает; да ему же от шаха повольно будет: ему ратные люди надобет, и ему шах поволил по Куру-реку всяких служивых людей, которые шаху служат. Да царь же де посылает Левонтей к Турскому царю и к везирию ясырей, поклоняетца, что де я твой царьской халоп».

А поехали из Дежихи марта в 23 день.

А поехали из Жюги марта в 26 день; а приехали в монастырь пречистыя Богородицы в Мордули к митрополиту Митрофану. И он встретил нас Федота в церкви в ризах съ евангильям, потом обедню служил сам; после обедни имал нас к себе за стол. А как мы пришли к нему в столовую, и он спросил про государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси. И Федот говорил: «Как есми поехал от государя своего, от его царьсково величества, и милостью божью государь наш, царь и великий князь Михайло Федоровичь, всеа Руси самодержець, многих государств государь и обогодатель, на своих царьских великих и преславных государствах в добром здравье». Митрополит спросил про светлейшего патриарха Иасафа Московсково и всеа Руси здравья и про спосение, да еще спросил про православное христьянство и про весь причот церковной. И Федот говорил: «Божиею милостию, великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси счастьям и ево государьской молитвою праведною православние христьянства пребывают по закону Христову и по учению апостольскому в ево государеве державе».

Да великой мы четверг были у обедни в том же монастыре. А у обедни были два причастника; а пришли х тайне божьей, не прекрестясь, а прочь также пошли от причастья, креста не целовали у потиру. В великую пятницу митрополит ставил середь церкви крест, а по обе стороны лежали мощи, да тут жо лежала перет крестом евангилья; крест был накрыт пеленою. После вечерни крест и мощи снес в олтарь, а на павечерницы принес воплощеницу на одре, как господа нашего Исуса Христа сняли со креста, напечатана, поставил против царьских дверей галовою на полночь, а ношками на полдни. А на

завтрени в великою субботу выносил вон и круг церкви с мощми обшед, опока принесли во храм, поставили в олторе перед престолам; а митрополит шел наперед с евангильям, а пели, идучи наперед, а каженья не было. После завтрени мы говорили митрополиту, что «довелось было тебе итить назади мощей, а дьяконом наперед, да кадить». И митрополит молил: «Знаю де я и сам, только де одиночество мое».

Месяца февроля турецкой царь умер Мрат-солтан, а на ево место сел брат ево меньшей Абраим-сальтан.

Апреля в 5 день обеда[ли] у митрополта Федот да поп Павел за столом. И митрополит спрашивал про Рус-

кое государство: «Давно ль крестилась во имя отца и сына и святого духа?». И мы сказали: «Руское государство крестилось 652-й год при великом князе Владимире Киевском». И мы ево против таво розпросило: «Давно ли ваши царство крестилось в православную христьянскую веру?». И митрополит сказал: «Наша де царство крестил Ондрей Первозванной, а наизусть де я не помню сказать, давно ль царство крестилась; а се де наше царство после таго трижды веру теряли, да после таго опять веру исправили от Синайских гор от царя Контентина. А те грузинские земли, Темразова и Бошечуйская и Тюфлиское и Гурьельское, крещены опосле нашия Дидьянския земли; а прислала, скать, некая праведная девица от Ерусалима, а имя ей Ненила, по ее присылке те земли крестились. Да в прошлом де во 141-м году присылал де к нам папа Римской шести старцов на искушенья: да прислал де рызы церковные и клабук светительской ко мне к митрополиту, а говорил нам так: что де вы потеряли христьянскую веру, папа де нас прислал вас учить и веру утвердить. И мы де их роспросили: как у вас ведетца? И они де стали сказывать: Как де выдешь из бани да станешь платье одевать, доведетца, скать, рызы и клабык положить под ноги. И мы де о том пособоровали и подумали, видим де, что они к нам пришли на искушенья, и мы де им отказали: Не надобить де вам наша вера и ученья».

Апреля в 7 день поехали из монастыря из Морьдули, а приехали таго ж числа к стрототерпцу Гегоргию.

Апреля в 23 день в Егорьевском монастыре были у завтрени; а у завтрени был потриярх Максим, да митрополит Митрофан, да Гурьельской князь Вартам, да и все тут были ближние царские люди да и всей земли тут был съезд. После завтрени до обедни вышли на площадь потриярх и митрополит и все люди многия, а вынесли месною икону стрототерпца христова Гегоргия, поставили на столбе на полночь. Против ево, оброза, сел мужик на храму да вдел на себя другой оброз стрототерпца Гегоргия, да стал говарить во весь мир, а миру в те поры запретили, чтоб ништо не говорил: «Послушайте де меня. Яз де ныне начевал во храму, и сказывал де мне ныне Гегоргей: Людей де моих ни зобижайте, которые в мое имя веруют». А сказал им то, что во весь год родитца ль хлеб и плодитца ль скот, и кому живу быть или кому умереть. А таво сказывал с час з боевой, а в те поры у оброза службы не было

и ни кадили кадилом. И мы про то спросили: «Почему тот человек пророчествует: святой ли он или богу подвижон и грамоте умеет ли?». И они сказали: «Грамоте не умеет; а то де у них тот род их ведетца, которой умрет, и из их же роду иной человек станет росказывать Егорьевы слова в мир». И они розпрашивали Федота: «Вы де верите ль тому?». И мы им ответ дали: «Мы тому не веруем, ложь то есть, потому что после рожества Христова пророки лживы». А как мужик слез с церкви, и [о]ни ударили в палки и в чекуши, и тут у них стал звук великой. И мы их оп том спросили: «Што у вас то ведетца не покрестьянски?». И они сказали: «То де они молетца стрототерпцу Христову Егорью, а проклинают тех, што у каво хто украдет или учинит насильство».

Да приходил к нам митрополит Митрофан, а говорил так: «Видите де вы сами, что они не крестьяня, творят дьявольщину». А родом митрополит Темразовай земли ис Тюфлиз. Да тут же были гречиские старцы и они про то говорили: «Мы де такой веры нигде не видали». Да тот же митрополит Митрофан был у Святых гор 12 лет, а учился грамоте греческой.

Апреля в 27 день велел Дидьянской царь Левонтей быть Федоту на посольстве в Зигуре. И как поехали на посольство, Левонтей царь выехал от двора версты с полторы, а с ним был потриярх и митрополит и епискупы, да конных с ним было с пятьсот человек, да перед ним несли крест и оброз пречистые Богородицы. Съехався с ним, с лошадей ссели, и у руки были и грамоту государеву Федот Левонтью царю подал. По тому стал говорить против наказу титло. И он молил: «Садись де на конь да поедем на подворье, в ту пору и речь говори». И мы сели на лошади, за царем поехали на подворье и Федоту царь велел ехать у себя по правою руку, а речей никаких едучи не было да не доежжаючи да подворья з гоны, царь поехал наперед, а нам велел ехать потихоньку. И мы услышали, что есть у нево ис Тюфлиса посол, и мы ехать не хотели, потому: государева указу нет, чтобы с кизылбаским или с турским послом на посольстве быть вместе. И они нам сказали: «Не козылбаскова и ни турскава, наша де провославная христьянства и друзья нам и свои; мы от них ничего не вскрываем». И Федот тут стоял с час времени и ехать не хотел, а хотел поворотитца назад; и они нас не пустили. А с нашими речми ездили ко царю трижды, и царь от себя прислал ариморыта Микулаза. И архиморит го-

ворил: «Поетте де, пожалуйста, не опозорьте царя, потому что царь встречал вас сам с потриярхом и с митрополиты и с епискупы; а таво не опосайтесь, поверьте моей черной ризе, что те люди не кизылбашене, а прислоны не от шаха. Да велел вам Левонтей царь говорить о том: Как будете передо мною, и вы леша обестите про государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси про многолетное здравье; а каторые у вас будут царьственные речи, и я де у вас стану слушать с потриярхом да з дьяком, а иных людей не будет никаво». И мы к царю пришли и, придет к царю, богу помолились. Федот стал говорить титло против наказу, каков ему в Посольском приказе дан за дьячьєю приписью; а изговоря речь, поклонился. И царь в те поры сидел и шапки не снимал. А потому Леонтей царь спросил про здравье великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Руси самодержца, сидя ш. И Федот против таво говорил: «Как есми я поехал от государя своего, от ево царьского величества, и божьєю милостию великий государь наш, царь и великий князь Михайла Федоровичь, всеа Руси самодержець и многих государств государь и облаадатель, на своих великих и преславных государствах в добром здравье». И Леонтей царь молил: «Слава тебе, господи, што велел бог слышать про такова великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича, всеа Руси самодержца, про многолетное здравье». Потом велел нам сесть против себя неподолеку; а речей никаких не была. Да дьяк прислал спросить потихоньку Федота: «Грамота де государева мощно ли прочитат при всех людех?». И Федот молил: «Бог волен да Левонтей царь, как изволит, так и прочитает; а мне то несведома, царьская мысль в божье руце». А в шетре посидели с четверть часа, а в ту пору от царя Левонтья ис шетра люди все розъехались. И Федот, встав, речь говорил по ноказу, каков ему дан ис Посольского приказу за дьячьєю приписью. А в ту пору царь Левонтей речь слушал с потриярхом да с дьяком своим думным.

А от митрополита поехали от Митрофана из Егорьевскаго монастыря апреля в 29 день. А ключник царев Дементей поехал от нас к царю апреля в 29 день, а на ево место приехал сытник Потап.

Апреля в 30 день приехали в монастырь в Хони к орхимориту Микулазу и на монастырь пришли. И архиморит, оболочась в ризы, и з братьєю встретил нас с оброзом пречистые Богородицы и со крестом и съ евангильем. И мы

оброзу поклонились и у евангилья и у креста были; а пошли во хром и во хромю обедню слушали. После обедни архиморит Микулас показывал пречистые Богородицы срачицу, да мученика Кирика ручка левая по зопястья, да мученицы христовы Марыны ручка правая от ладони до лахтя, кость пересечена. А ворот пречистые Богородицы мал, верьшка на три. И мы про то спросили: «Чего ради ворот мал?». И архиморит Микулаз сказал: «Волею де божью год от году ворот зарастает». А срачица широка, а рукава коротки широки, а цветом выбайка багровая. И мы спросили про срачицу и про мощи: «Откуды взято и с кем принесены?». И архиморит сказал: «Яз де здесь недавно, таво не ведаю, откуда взято и с кем принесено; а летописи оп том не видал». А после обедни архиморит звал нас за стол, и мы у него были и за столом была речь; спрашивал архиморит нас: «Давно ль де Русь крестилась?». И мы сказали: «Руская земля крестилась до конца седмыя тысячи за пятсот за четыре годы, и от крещения Руския земли да сех мест шестьсот пятьдесят второй год». А после таво спросил у архиморита Федот да поп Павел: «Много ль де лет ото Адама до сех мест?». И орхиморит сказал: «От Адама до сех мест семь тысяч сто пятьдесят два годы». И поп Павел говарил: «В наших де кни[га]х написона лета седмь тысящь сто четыре десять осмой год». И архиморит посылал по книгу и в книгу смотрил, сказал: «У нас де в книге написана лета семь тысящь сто пятьдесят второй год». И потом архиморит речь прекратил.

Мая в 1 день пришел Левонтья царя посланик из Олегукиной Каборды, имя ему Тавей, а с ним от Олегики пришел посол ко царю Левонтью, а имя ему Эльбуздук; договорились послы с царем Левонтьям взять у Олегуки за сына своего дочь, а дать ему, Левонтью царю, Олемуке сто душ есырю, да сто серебряных сосудов, да сто золотных платей, да сто кабылиц, сто быков, сто пицалей, на том у них и договор стал. И Левонтей царь на том думному своему дьяку Потапу и ближнему своему человеку Рамозану велел кресть целовать на той правде, што ему по тому договору отдать.

Мая в 18 день нас Левонтей царь ис Шуайскова монастыря взял в Зубдиди к себе; и приветчи нас, поставил на подворье. Прислал к нам епискупа Ондreja да Микулаза да стольника своего Рамозана кучюлянца, а говорили нам: «Прислал де к вам Леонтьей царь». А говорили мне епискуп и Рамозан: «Царь де Левонтей вас перет себя взять

стыдитца, что де у него ус и борода побрита в кручине по царице, а велел де вам говорить: посылал де я ко государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии, посла своего попа Гаврила, и ево де держали три годы в есырстве». И Федот говорил, что «То Гаврила сказывает ложно, а в есырстве его не держали ни единого дни, а была ему от государя нашего царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии жалаванье полное и корм поденной. А хотя будет ево и держали на Терке, а про него в те поры писали к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси к Москве о указе, потама что про ваше царство было преже сего великому государю несведамо, а без государева указа терские воеводы ево пропустить не смели. А как пришел а том государев указ на Терек, и по государеву указу терские воеводы послали ево к Москве и отпустили без всякаго задержания. А Терек от Москвы не ближнее место, а государства государя нашего, царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии, великое. А посол ваш поп Гаврила как приехал к Москве, по государеву указу велели его поставить на подворье, а на другой день думной дьяк велел ево взять в Посольской приказ. И по государеву указу в Посольском приказе про Левонтья царя и про ваша царства думной дьяк роспросил и, роспрося, обестил великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии. А после таго, ден з десять спустя, государь ево пожаловал, велел ему видеть свои царские очи и быть ему на посольстве. И как пришло то время, государя нашего в государстве реки вскрылись, потому что зимы бывают студены и реки замерзают, и велики государь посла вашего попа Гаврила велел отпустить мая в 30 день. А о чем Левонтей царь писал к великому государю в грамоте своей, и великий государь прошенья Левонтья царя не [о]тставил, а посла вашего, попа Гаврила, своим царским жалованьем пожаловал». И епискуп и Рамазан говарили: «Видим де мы и сами, что великий государь христьянский; преже де таво велики государь был в Риме, и там де нонеча перевелось, а подал де бог вашему великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу, всеа Русии самодержцу. А наш де Левонтей царь надо всеми в Грузинских странах большой, а для де таво к Москве посылал, чтоб ваша христьянская вера посмотреть да поучитца. И мы де вам монастыри свои показывали, и светыни все видали и мощи святых. А нонеча де великий государь как изволит,

так к нам и пришлет». И Федот спросил епискупа Ондreja и Рамазина, што «х которой вы то силе говорите о присылке?». И они против таво ничево ответу не дали. Да в тое ш пору подана грамота к великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии. «А нонеча де у нашего царя Левонтья кручина, а как кручина минетца, и он де к великому государю посла пришлет,— говорил епискуп Ондрей и Рамазан.— Нонеча де вас царь Левонтей отпускает с Олегукиным послом, для таво што Олегукин посол Элистан говарил царю Левонтью, што приказыв[ал] говорить Олегука: отпустите государя, царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии, холопей, а моих кунаков. И царь де Левонтей по их слову отпускает вас с Олегукиным послом; а как де бы не Олегукина посола слова, и вам бы де было столько у нас жить, сколько у вас Гаврил на Руси жил».

Да в ту пору дали Федоту чарку серебряною да пятьдесят шесть яфимков, да комку кизылбаскою, да дороги турские, а ценою они сочли и сказали на осемьдесят яфимков. Да попу Павлу дан бархат червчет да комку кизылбаскою на серетбе; да толмачю дали дороги, да человеку моему, которой писал список, дали дороги. Да им дал Федот, которые приносили, четыре яфимка.

Мая в 19 день отпустил Левонтей царь от себя, а подвод и корму не дал.

Дидьянская земля вдоль подле моря верст с полтараста, а поперек от гор к морю верст с пятьдесят. А у них в земле нагота больша, мужеской пол и женской ходят наги. А таргов нет, один торг и есть армянской сорок дворов да десять дворов жидовских; а ясырь продают и царь и власти и всякия помесные люди, хто где помещан, а продают все в босурманскую веру, а не продать им есыря, ин де им и нужи своей нечим исполнить. А хлеб пашут капаницами, по горам и по холмам, розчищаючи лес и каменья, а сеют бор; а пшеница есть, дает чети. А боровые каши сворят в котле прохова, а за сталом сядут ниш и убог безместна, всякой сряду; а места столов потесаны доски долгия, а кладут их на земле, а сами сядут, подобгав ноги, а те у них доски вместо столов и скатертей, блюд; а кашу повар розносит, лопатою ис котла черпуючи, а всякому дает порозну. А животину бьют всякою, повеся за нагу за заднюю на дерево, да вынем саблю да отрубят голавы; а харавину снимет да кишки выкинет, а в части не рубит, так в котел и положит; а ворем щербу да льют

на землю, а мяся положат на насилки, принесут к столу, а делят комуждо по поем. А живут люди все в лесу, а где лесу нет, тут и людей нет. А винаградным питьем добре довольно; а сырец шолк у них родитца.

А корму нам указнава не было, а приносили, збирачу с волостей, а вар варили оны у себя на поварни, а нам давали за стол гатовое пить и есть; а питья винаграднава была давольна, а кармливали нас по двожды на день.

А в Дидьянскою землю из Олегукиной Кабарды путь тесен, горы непроходимые, а конной дороги отнют нет, а пешия ходят з горям. А промеж гребеней лежит снег от зачатья свету; каторой год снег идет, и тот тебе слоюм обледенев и лежит, а которые снеги старые от прежних лет, и те лежат позеленев, аки турской купороской.

А обедню служат власти и попы; первую просвиру вынимают, как и агниц; а из другие просвиры как ис просвиры пречистые Богородицы вынимаетца; а ис третье просвиры вынимают дробные 9 частей, а ис четвертьте просвиры вынимают дробные части за здравье, хто что скажет своих родителей поимянна, пришет к жертвенику. А евангилья чтут власти бес поттрохели на обедни.

И поп Павел розпрашивал митрополита Митрофана: «Достоит ли евангилья честь без рис и без поттрохели властем или попом?». И митрополит сказал: «Нет; яз де таво нигде не видал в книгах, что честь евангилья без рис и без поттрохели». Федот моыл да поп Павел: «Ездили де мы с епискупам с Ондреям по монастырям, и мы то видели, что он везде по церквам, стоечи на своем святительском месте, чет евангилья, не облачась и без поттрохели». И митрополит моыл: «То де он зделал не по уставу».

А в обедню выдут съ евангильям и станут против царьских дверей, а поют голомя не малое; а што поют, и мы тому толку не проразумели. И пев пойдет в олтарь, да и в олтаре поют голомя не малое. А во храму иные стоят, а иные сидят. А после павечерницы и полуношницы и перед обеднею прощенья нет, а отпустить прост. А на ризах и на стихорях оплечья и креста и звезды и омету нет. А после страшенья не ходят и ектеньи малой не говарят; забвонью молитву говарят, а просвир не выносят. А Филипов пост и во Спожино говейно и в Петрова говейно и в середу и в пятницу мирския люди ядят скоромное сплошь, акроме великого посту. А в черницы постригаютца из детства малыя; а возмужает, захочет — во влостях будет, а не захочет, и он разстрижется и женитца. А в великой пост

х причастью мирския люди не говеют ис своей воли и у отца духовнава не бывают; а причащают при смерти, как человек умирает. А сватьбы играют в великой пост. А невесту к жениху возят, а жених по невесту не ездит; а привезет дружка да сваха, а лучитца где храм блиско, и оне во храму венчают, а не лучитца где храму блиско, и оне и дома венчают.

Мая в 22 день пошли из Дидьянския, а пришли в Сонскою землю мая в 26 день. А провожатым дано, Элистану да Билшукке, за провожанья пять аршин сукна да четверы дороги да два яфимка денех; да поп Павел дал пищаль да аршин сукна настрафилю лазорева.

Ис Сонеи пошли июня во 8 день, а пришли в Черказы к Хопукину в Коборду июня в 12 день. Да Хапука четверых коней не отдал, двое Федотавых да попова лошеть да подьячева лошеть: «Федотава, ска[за]л, одна пала, а те трое лошадей ваших украли».

От Хапуки поехали июня в 28 день, а приехали в Ылдареву Кабарду июня в 29 день.

А из Ылдаравой Кабарды поехали июня в 30 день, а приехали в Онзоров кабак таго ж числа.

Из Онзорова кабака поехали июля в 4 день, а на Терек приехали июля в 11 день.

С Терку поехали июля в 21 день, а в Астарахань приехали июля в 31 день.

А из Астарахани поехали августа в 13 день.